

Культурологические исследования в объединенной Европе: международная конференция в Софии

8–10 октября 2008 г. в Институте фольклора Болгарской Академии наук (София) при поддержке посольств Эстонии и Литвы в Болгарии состоялась международная конференция «Балканы и Балтика в объединенной Европе: История, религии, культуры».

После приветственной речи директора Института фольклора БАН проф. Милы Сантовой и посла Эстонии в Республике Болгария г-на Рейна Ойдекиви конференция открылась сессией «**Этническая, национальная и европейская идентичность**». В ее рамках с докладом «Объединенные в различии: по материалам исследования идентичности жителей Восточной Латвии» выступила *И. Салениеце* (Даугавпилс). Она отметила, что страны Балкан и Балтики, отдаленные географически, имеют общие черты в геополитическом и культурном смысле. Одна из таких черт — опыт долгого существования полиэтнического и мультиконфессионального общества. Осознание такого опыта типично для современной Европы. В докладе предпринята попытка разобраться, что функционировало как базис сближения представителей различных этнических

Валерия Борисовна Колосова
Институт лингвистических
исследований РАН,
Санкт-Петербург
chakra@eu.spb.ru

и конфессиональных групп в Латвии (на примере Восточного региона). В первой половине XX в. в восточной части Латвии — на границе с Литвой, Беларусью и Россией — сформировалось полиэтническое и мультиконфессиональное окружение, которое влияло на формирование особой локальной идентичности. Местное население вместе с чертами этнической и религиозной идентичности приобрело осознание принадлежности к этому месту. При независимой Латвии (1918–1940), благодаря национальной политике, прежде всего — обязательному общему бесплатному начальному образованию, народ Латвии начал формировать национальную идентичность. Люди разного этнического происхождения, живущие в Восточной Латвии, которые выросли в 1920–1930-е гг., обладают характерными чертами такой национальной идентичности.

В. Тепавичаров (София) выступил с докладом «Евроинтеграция и представления о “европейском” у болгар». Докладчик проследил формирование традиционных представлений о Европе и «европейском» во времена Возрождения и их использование в XX в. Утверждается, что в этих понятиях «европейское» всегда было моделью имитации, идеализированным образом цивилизованной и человеческой безупречности/совершенства. Другими словами — вопрос о мифологическом восприятии Европы и «европейского» обсуждается как ведущая идея в развитии болгарского общества. В качестве базовых причин развития такого мифического образа среди болгар были предложены гигиена западно- и центральноевропейского обществ, качество и привлекательная внешность их продукции, блестящие витрины магазинов и под. Но главной причиной стал «неизвестный» Западный мир и табу на него во время тоталитарного социализма, что, конечно, усиливало мифотворчество. Докладчик утверждает, что с развитием болгарской евроинтеграции этот миф начал выцветать по той причине, что многие, и в основном молодые люди познакомились с реальной Европой и — таким образом — с источниками мифотворчества. Есть надежда, что с процессом евроинтеграции миф о «Европе» и «европейском» станет лишь проблемой истории.

Д. Розе (Рига) выступила с докладом «Некоторые “латвийские” растения как знак идентичности». Любовь к природе, деревенский стиль жизни и жизнь на хуторах считаются знаками латвийской идентичности. Но ими могут стать и некоторые растения, независимо от происхождения. И дикие растения латвийской флоры, и происходящие из Европы и Азии приняты как знаки латвийской идентичности. Из последних можно назвать любисток, полынь лечебную и кустарниковую, аир тростниковый, пион, шток-розу розовую. Следует отметить, что «латвийские» растения иностранного происхождения, в большинстве

случаев — имеющие стебли травянистые растение, реже — кустарники, в то время как местные дикоросы, в основном, представлены деревьями (по материалам интервью, где размышляли о том, какие растения считаются принадлежностью латвийской усадьбы). Хотя Латвия невелика, садовая культура и климат влияют на выбор. Докладчица представила и некоторые сравнительные материалы, в основном по истории культурных растений в Германии и России — по причине влияния этих наций на латвийскую культуру в течение нескольких веков.

Сессия «**Наука и общество**» открылась докладом *А. Путелиса* (Рига) «Мифология как основа для выстраивания культуры: зарождение латвийской национальной культуры в середине XIX столетия». Хотя латыши жили на территории современной Латвии веками, к XIX в. они были лишь низшим классом, «не имеющим истории» (т.е. истории завоеваний и царей), а значит — не имеющим будущего. В середине XIX в. группа образованных латышей создала движение с целью отстоять национальные права. В условиях доминирующей немецкой культуры единственным способом показать значимость латышской культуры был поиск ее существования в прошлом, чтобы она стала образцом для подражания. находка корпуса мифологии значила бы, что латыши достигли сопоставимого с другими нациями уровня развития. Примеры соседей (финская «Калевала», эстонский «Калевипоэг», созданные современными авторами), делали оправданными инновации и изобретения. Были и работы, к которым могли обратиться искатели прошедшей славы — почти все немецкие. В результате была создана ошибочная и ненадежная система мифологии, не подтвержденная фольклорными данными, которая служила одной политической цели: доказать, что латыши — не просто социальный класс. Эта система содержала несколько общих идей и персонажей, которые использовались и в последующие сложные исторические периоды, в частности, во время «поющей революции».

С. Станоев (София) в докладе «Постсоциалистические переходы и научные парадигмы» рассказал об исследовании жанра анекдота в Эстонии и Болгарии. Несмотря на молодость темы и немногочисленность интересующихся ею ученых, можно выделить некоторые общие черты исследований. С одной стороны, общие социокультурные рамки постсоциалистического культурного периода обусловили схожую ориентацию: 1) изучение политического анекдота, который в условиях тоталитаризма, как в лаборатории, достиг полного расцвета; и 2) внимание к образу этнического «другого». С другой стороны, наблюдается и специфика. Болгарские ученые нацелены на

изучение анекдота как современного фольклорного жанра; кроме того, к анекдоту обратились лингвистика и психология, культурология и антропология. Эстонские ученые сконцентрировались, в основном, на проблемах этнических различий, их образов и базовых характеристик. Этот подход релевантен в историческом контексте — проблема этнической идентичности приобрела особую важность после обретения независимости. В таком контексте становится понятен и интерес к образу другого этноса в анекдоте. Докладчик отметил различия и в перспективах исследования этого жанра: болгарские ученые анализируют тексты анекдотов, чтобы выяснить способы конструирования культурной идентичности; эстонские фольклористы делают акцент на сборе и классификации текстов как базе для открытия более глубоких тенденций развития анекдота.

К.М. Роолейд (Тарту) рассказала об общей идее, структуре и некоторых аспектах подготовки библиографического индекса на трех языках (английском, немецком и французском) на базе модели Международной этнологической библиографии. Хронологически индекс организован по векам и по историко-культурным периодам, причем учитывается фольклорный или популярный характер музыки и искусства. На настоящий момент предметный указатель к индексу включает около пяти тысяч слов.

Сессия «**Демократия и общество**» открылась докладом *М. Сантовой* (София) «Города-республики — о некоторых формах рефлексии в городской среде». Материалы трех примеров из Болгарии и Литвы — «Города истины», «республики Ужупис» и «республики Баттемберг» — дали возможность рассуждать о проблеме, насколько и при каких обстоятельствах можно говорить о сходных формах общественной рефлексии и с чем они связаны. Пространством таких городов-республик стали знаковые для городского ландшафта здания, дворовые пространства, улицы с переименованными названиями, а их гражданами — студенты, научные работники, артисты, художники и другие интеллектуалы. В целом, они являлись пародией отрицания на социалистическую реальность. Во всех трех случаях в неформальные структуры были объединены люди общей духовной принадлежности, творческие личности — созидательные, но нестабильные. Особый интерес в исследовании представляет связь с городом, что позволило выдвинуть гипотезу о том, что именно городская ситуация формирует свою специфику восприятия социальных перемен.

М. Иванова и *Н. Вуков* (София) выступили с докладом «Граффити на памятниках Советской Армии в Болгарии: переписы-

вание истории и утверждение современной идентичности». Как показали докладчики, современные граффити стали мощным инструментом переписывания идеологического прошлого. Чаще всего надписи появлялись на монументах Советской Армии, становясь элементом процесса их переоценки. В докладе прослеживается специфика и развитие таких граффити и исследуется их роль как символов политических перемен и маркеров изменения культурной идентичности после 1989 г., что позволяет сравнивать их с общественными дебатами о советских памятниках и граффити в других странах Восточной Европы. Символические механизмы, лежащие за созданием и реактуализацией граффити, дают возможность «демистифицировать» предыдущую символическую власть этих мест памяти, «оживлять» памятники выражениями альтернативных позиций и поддерживать их по мере истощения прямого политического значения этих мест. Таким образом, предлагается понимание граффити как символических форм, служащих для трансформации существующих понятий о недавнем прошлом, находящихся между эстетической и идеологической функциями.

В. Матеева (София) посвятила свой доклад «Слепые — мифы, культурное наследие, социализация» интеграции незрячих в болгарское общество, рассмотренной сквозь призму социальных проблем. Материалом для доклада стали интервью и опубликованные материалы печатного органа Общества слепых в Болгарии. Докладчица очертила изменения в положении слепых в обществе: от группы, издавна окруженной поверьями, мифами и предрассудками, к созданию общественных организаций, специализированных предприятий и жилых комплексов, социализации посредством трудоустройства. Предоставленные образовательные привилегии породили эффект позитивной дискриминации и, как следствие — самосегрегацию. В последнее время стремление найти свое место в обновленном обществе стало причиной новых форм социализации: профессионализации самодеятельных артистов, сотрудничества с другими обществами и с государством, контактов с местной властью.

Р. Нейкова (София) посвятила свой доклад «Снова вместе через 80 лет (по материалам нестинарства/анастенария)» встрече нестинарских родов Болгарии и Греции, ведущих свое происхождение из Юго-Восточной Фракии, у священного источника (*аязмо*) в Страндже. Общая трапеза, музыка, танцы и хождение по углям возродили обряд празднования *панагири*, прерванный после Первой мировой войны. В 1920-е гг. грекоязычное население Юго-Восточной Болгарии эмигрировало в Северную Грецию. Возвращение их потомков показывает,

что ни временной разрыв, ни политические и идеологические гонения не властны над их древними верованиями. Как показала докладчица, идентичность нестинаривов не является греческой или болгарской, а определяется принадлежностью к конкретной общности, хотя нестинарский обряд теряет свою силу из-за разрыва традиции.

Т. Оямаа и К. Лабс (Тарту) в докладе «Конкурс Евровидения в эстонских масс-медиа: кейс-стади меньшинств и большинства» проанализировали дискурс, сложившийся в масс-медиа вокруг конкурса «Евровидение–2007» в Хельсинки. Материалом послужили около 200 статей в эстонской, финской и болгарской прессе и около 6000 комментариев в Интернете. Из ряда немusыкальных тем, затронутых в прессе, — падение престижа Евровидения, принципы местного голосования, частная жизнь певцов, национальная политика, наступление гей-культуры — авторы доклада выбрали последние две, объединенные проблемой отношений меньшинств и большинства. Докладчицы продемонстрировали, что первая тема обсуждалась одинаково в масс-медиа разных стран — в 2007 г. в центре внимания находились проблемы родины и соседей и «балканизация» конкурса. По второй же теме обнаружилось существенное различие — в эстонской, финской и болгарской прессе отношение к теме гей-культуры на Евровидении колебалось от толерантности (Финляндия) до отрицания (русскоязычная эстонская пресса).

Г. Григоров (София) выступил с докладом «Являются ли героями современные звезды шоу-бизнеса?». На основе типологического сравнения отношения к болгарским национальным героям и известных сведений о культе мировых суперзвезд шоу-бизнеса автор сделал вывод, что поклонение суперзвездам оформляется по аналогии с культом героев; формы этих культов совпадают в принципе, но отличаются в деталях. Среди основных отличий были названы следующие: харизма национальных героев посмертна, а суперзвезд — пока они живы, причем их тленные останки не являются предметами культа и в их память не оформляются памятные места; культ суперзвезд типологически близок к идолопоклонничеству, а преклонение перед национальными героями — к религиозности. Последнее положение докладчик подкрепил лингвистическими данными: употреблением религиозной лексики для названия героев (апостол, мученик, пророк, святой, просветитель и т.д.), и идолопоклоннической — для суперзвезд (идол, кумир, звезда, культ, поп-икона и т.д.). В терминах У. Эко, национальных героев можно отнести к типу «сверхчеловека», а суперзвезд — к типу «супермена». Несмотря на ряд других различий, обе категории схожи и тем, что периодически появляются как само-

званцы, принимающие на себя обязанность продолжить образцовую миссию героя, так и двойники суперзвезд (например, Элвиса Пресли).

Сессия «**Культура — традиции и инновации**» открылась докладом *Айи Янсоне* (Рига) «Производство и использование традиционных и современных объектов искусства в городах и сельских местностях Латвии». Традиционное искусство, являясь одним из способов сохранения и развития национальной идентичности, в современной Латвии делится на индивидуальное и организованное. По данным на 2000 г., существовало около 100 курсов прикладного искусства и группы с более чем 2000-ми участниками. Докладчица выделила 7 основных видов производства — текстиль, украшения, ткачество, керамика, резьба по дереву, изделия из кожи и кованые предметы. Для определения пропорций традиции и инновации в искусстве и роли Латвийского национального центра традиционного искусства в процессе развития автором составлен опросник «Традиционное и новаторское в современном латвийском традиционном прикладном искусстве». Поскольку опрос информантов находится в начальной стадии, автор пока не имеет точных количественных индикаторов для изучения традиционного прикладного искусства, хотя базовые тенденции развития можно наметить уже сейчас.

Предметам искусства был посвящен и доклад *И. Станоевой* (София) «Сувениры — между национальным и глобальным (на примерах из Болгарии и Латвии)». Известно, что одновременно с развитием глобализации наблюдаются и обратные тенденции, демонстрирующие региональную и национальную специфику. Имея непосредственное отношение к национальной идентичности, продукция традиционных ремесел легко приобретает дополнительную функцию сувениров. По наблюдениям автора доклада, в Латвии ремесленная продукция пользуется широкой популярностью, что демонстрирует существенную разницу с болгарской ситуацией. Сравнивая Ригу и Софию с точки зрения присутствия продукции традиционных ремесел в городской жизни, автор делает вывод, что эти два случая демонстрируют разное отношение к ремесленной традиции: в Латвии она достаточно свободно интерпретируется и переизобретается, в Болгарии — имеет тенденцию сохраняться.

М. Т. Кыйвупуу (Таллин) в докладе «Кресты в эстонском ландшафте» проанализировала традицию, согласно которой крестники покойника или его ближайшие родственники мужского пола по пути на кладбище вырезают на большом дереве крест, обычно — на символической границе последнего прощания (на перекрестке или дороге). Наиболее ранние сведения о та-

ких крестах или их аналогах в Эстонии датируются XVII в. (сходные практики отмечены у православных сету в Северной Латвии, Финляндии). В новое время этот феномен сохранился и стал формой выражения протеста на фоне бурных социальных перемен, а конкретная конфессиональная принадлежность стала неважна в контексте ограничения на отношения с церковью в целом. Вырезание креста даже считалось компенсацией за отсутствие церковной церемонии, поскольку партийные деятели относились к нему негативно, а более старшие пасторы — скорее нейтрально и сами принимали участие в церемонии, мотивируя это местными традициями и уважением к воле покойного. Нарративы о вырезании крестов также являются важным фактором сохранения традиции.

М. Кыйва (Тарту) в докладе «Заговоры. Время и пространство» сравнила корпуса эстонских (35 000 текстов) и болгарских заговоров (сборники И. Тодоровой-Пирговой и И. Амрояна) с точки зрения ключевых терминов времени и пространства. Для моделирования пространственных отношений в заговорах была использована теория ментальных карт. Сравнительный анализ показал, что в эстонских заговорах мифическое пространство часто связано с библейскими локусами (Иордан, Синай, Назарет) или реальными, но мифологизированными (лес, болото, море); в болгарских заговорах библейские локусы также встречаются, но актуальны и такие мифологизированные топонимы, как Дунай, Пирин, Черное море. Время в заговорном тексте (как и исполнение соответствующего ритуала) также существует по своим правилам. Пространство и время в тексте и ритуале являются медиаторами между временем и пространством реальными и временем и пространством, имеющими символическую ценность. Так, некоторые заговоры используются только в особые праздники года, а некоторые приурочены к определенной лунной фазе или дню недели, в то время как для лечебных заговоров время произнесения окказионально.

Г. Пакалнс (Рига) рассказал об опыте поддержания традиции рассказывания в современной Латвии, точнее, о попытке найти место для нарратива в современном фольклорном движении в Латвии — стране, которая идентифицирует себя как «поющая нация» и где нарративам и изучению традиции их рассказывания уделялось недостаточно внимания. Однако с 1997 г. в Латвии проводятся соревнования рассказчиков для детей и подростков, а с 2006 г. автор доклада является руководителем европейского проекта «Развитие умения рассказывания у взрослых — европейский подход», в рамках которого ежемесячно проводятся тренинги, а также фестиваль рассказчиков «Рыбный суп» и обмен с партнерами из Германии и Шотлан-

дии. Наиболее сложным оказалось возродить традицию рассказывания в современном урбанистическом обществе, где нарушена многовековая связь личности с местной традицией; в этом отношении особенно важны попытки адаптировать к Латвии опыт движения рассказчиков из других стран.

В рамках сессии «**Наука молодых исследователей**» *Л. Гергова* (София) прочитала доклад «Отсутствующие стереотипы или стереотипы в избытке». Полевая работа среди православных болгар Пловдива выявила «недостающие» этностереотипы — например, о балтийских народах или нациях, и некоторые этностереотипы «в избытке» — о балканских соседях и «знаменитых» нациях (американцы, французы, англичане, немцы, русские, китайцы и т.д.). Этнический «другой», значимый для той или иной нации, обычно является ближайшим географически и исторически. В этом смысле балтийские народы не являются для болгар «другими» в полном смысле слова — они находятся на периферии процесса формирования идентичности и неважны для него. Докладчица предложила определить модель связи между процессом построения этнических стереотипов, расстоянием между обществами и мировыми информационными каналами. Такая модель демонстрирует, что для каждой отдельной нации весь мир недостаточно известен, но при этом весь мир и неважен, а «других» можно поделить на две группы: соседи — различные в каждом конкретном случае, и «знаменитые» нации, которые «близки» всем в мире.

Доклад *Ц. Димитровой* (София) «Храмовая история и локальная идентичность» продемонстрировал случай прямой связи деревенской истории и локальной идентичности с нарративом о строительстве храма в с. Сапарево (Кюстендилская область). Исследуемый нарратив находится на пересечении сакральности христианской легенды и информативности родового предания. Конкретное событие нашло свое отражение в локальной памяти через рассказ о строительстве церкви, который посредством чуда сакрализует историю села и одновременно помещает его в рамки достоверности и информативности родового предания. Такое размещение нарратива между чудом и историей представляет интерес в связи не только с его жанровой принадлежностью, поскольку точки пересечения между заложенными в нем динамичными интенциональными полями — легендарным и реалистичным — порождают расхождения и несоответствия в конкретных реализациях нарратива. Например, тенденция к нагромождению легендарных мотивов отдаляет событие от его фактологической первоосновы и ведет к оформлению рассказа по определенной легендарной модели, т.е. к своеобразной мифологизации истории.

С. Тончева (София) в докладе «Учение Петра Дынова — опыт создания новой болгарской религиозности» рассказала о философской системе Петра Дынова (1864—1944), кульминацией которой стало открытие школы Белого Братства и строительство селения Восход. Духовно-философская система П. Дынова нацелена, прежде всего, на преобразование религиозной культуры болгарского народа и создание новой религиозности для вновь сформированной нации. Система, основанная на взаимодействии религии и науки в познании мира, очень близка к типу новых религиозных движений, которые появились в конце XIX в. и характеризуют новую религиозность постмодернового общества. Как полагает докладчица, пример Петра Дынова и его духовной системы поднимает вопрос о жизнеспособности доктрины и ее социальных функций, а ее роль модели современной оккультной школы и ее цель стать образцом новой болгарской религиозности требуют дальнейшего исследования.

Сессия «Религия, религиозные идентичности и религиозные политики в Объединенной Европе» объединила доклады, посвященные различным проявлениям религиозности. Так, религиозной идентичности конкретной исторической личности был посвящен доклад *Р. Рачюнайте-Паужуолиене* (Каунас) «Культурная и религиозная идентичность Барбары Жагарите (Умиастаускайте)». Героиня доклада, Барбара Умиастаускайте (1628—1648), происходит из маленького северного литовского городка Жагаре и представляет католическую культуру Северной Литвы XVII в. Исторические источники начиная с XVIII в. фиксируют чудеса, свершившиеся по ее заступничеству. Барбара из Жагаре пока не признана святой, хотя процесс причисления к лику блаженных был начат шауляйской епархией еще в 2005 г. В настоящее время к ее помощи прибегают для испрашивания здоровья, помощи в учебе, в возвращении потерянных или украденных вещей. По мнению докладчицы, истории о Барбаре из Жагаре демонстрируют коллективный религиозный опыт, ценности, мировоззрение людей и особенности национального характера. Они также выражают религиозную, культурную и национальную идентичность различных групп населения севера Литвы.

Различным группам русских староверов в Объединенной Европе посвятила свой доклад *Е. Анастасова* (София). Для доклада был использован сравнительный материал, собранный в государствах Балкан и Прибалтики. Рассмотренные традиции объединены одним общим свойством: их характеризует актуализация прежней — староверческой — идентичности на фоне советской/социалистической. В то же время сообщества староверов сталкиваются с такими проявлениями нового вре-

мени, как глобализация, Интернет, что дало толчок налаживанию международных связей.

Г. Лозанова (София) в докладе «“Наши” помаки и “чужие” турки» коснулась вопроса о влиянии государственной политики на самоопределение мусульманских меньшинств Болгарии. Оба названных меньшинства схожи тем, что были практически исключены из процесса построения нации; дифференцирование и самоидентификация обоих мусульманских сообществ проходили в условиях систематического давления со стороны властей, однако государственная политика по отношению к туркам и помакам различалась. В результате их идентичность испытала изменения, которые постепенно отдалили их от начальной модели идентификации в соответствии с конфессиональной принадлежностью. К концу XX в. турецкое меньшинство обладало выраженной этнической идентичностью, а помаки предпочитали идентифицировать себя по религиозной линии, в то время как относительно своей этнической принадлежности они колеблются, демонстрируют множественную контекстно-зависимую идентичность, применяют стратегию ситуативного переключения. Принимая термин «болгарин-мусульманин», они, очевидно, понимают его не в этнических терминах, а в отношении большинства преобладает оппозиция «мы—они». В последнее время идея создания новой региональной (наднациональной и европейской) идентичности обсуждается как средство преодоления противоречия между местными идентичностями (религиозной, этнической и т.д.); таков, очевидно, случай с сообществом помаков по обе стороны болгарско-греческой границы.

Сессия «**Границы и динамика миграционных процессов в Европе**» открылась докладом *В. Тончевой* (София) «Песенный фольклор на границе между Македонией и Албанией (наблюдения в селе Стеблево, район Голо Бырдо, Албания)». Автор представила предварительные замечания о корпусе песен общины, населяющей пограничные районы между Республикой Македония и Республикой Албания. Этномузыкальный анализ записанных образцов песен нацелен на определение основных этнических черт песенного репертуара. Он позволил выявить главные музыкальные параметры песен, в значительной степени македонских. Этот факт интерпретируется докладчиком как признак сохранения традиционной культуры благодаря изолированному проживанию общины.

М. Славкова (София) в докладе «“Поездки” и “границы” в культуре болгарских рударов» уделила внимание группе самых активных участников современной межнациональной мобильности в Болгарии. Поездки обусловили множество существ-

венных изменений в их образе жизни из-за адаптации к различному социально-экономическому и мультикультурному окружению. Однако, став транснациональным сообществом, рудары сохранили и свою групповую идентичность, и внутригрупповую региональную разнородность. Сложная структура идентичности рударов получила новые измерения в эмиграции, а отъезд на заработки из простого пересечения границ превратился в важную особенность сообщества; при этом поездки по Европе дают мигрантам основание ощущать себя частью европейского сообщества.

В рамках сессии «**Фольклористика и астрономия**» *Н. Сивков* (Перник) представил вниманию участников конференции доклад «Астросемантические маркеры на обрядовых хлебах (по материалам из Средней Западной Болгарии)». Он сопоставил типичные для орнаментики каравая объекты сельского быта — гумно, снопы ржи, волы, плуг, овцы, собаки, а также стилизованное изображение пахаря/пастуха — с тем фактом, что в народной астрономии изображение повозки с волами соответствует созвездиям Большой и Малой Медведиц, а изображение плуга с волами и пахарем — Ориону. Мифологическая интерпретация картины зимнего рождественского неба на болгарских обрядовых караваях связывается докладчиком с языческими представлениями о циклическом возрождении мира и с мифом о вечном возвращении. В основе этой картины лежит образ Ориона-пахаря, который каждую ночь пашет небесное поле, засеянное звездами. Таким образом, он связан с древним индоевропейским мифом о божественном пахаре. Ритуальная пахота героя/божества — широко распространенный мотив у целого ряда индоевропейских и финно-угорских народов, в том числе балканских и прибалтийских.

В. Колева (Смолян) в докладе «Измерение времени и календари в Центральных Родопах» рассказала о методах измерения времени у православных и мусульманских болгар Центральных Родоп на этнографическом и фольклорном материале XIX–XX вв. с акцентом на основных единицах измерения. Особое внимание уделено календарям в виде деревянных палок с метками (*рабош*), которые представляют дни юлианского года и самые важные неподвижные праздники православного церковного календаря. Тип используемых знаков говорит о дохристианской и раннехристианской традиции письма; подобные знаки найдены среди знаков *дамга* и клейм, используемых пастухами для клеймения скота. Наиболее широко распространенная структура календарной записи на бирках — та, где даты 23 апреля и 26 октября делят год на лето и зиму. Это распространенная во всем мире архаичная традиция, очень популярная среди родопских пастухов. Для сравнения автор привлек

изображения деревянных календарей из Хорватии, России, Финляндии.

А. Куперянов (Тарту) рассказал об астральных мифах в Эстонии. Единственный эстонский материал, содержащий фрагменты астральных мифов, — мифологические записи о небесных объектах; многие из них содержат лишь названия созвездий. Наиболее известным созвездием является Большая Медведица, а звездой — Волк возле Быка (т.е. Алькор). Большая Медведица представлялась как повозка, в которую впряжен бык, а рядом с быком — волк; Плеяды сравнивались с решетом. Автор отметил, что текстов о созвездиях известно очень немного, при этом касаются они лишь небольшого числа наиболее важных созвездий. Тот факт, что названия некоторых из них различаются в разных областях Эстонии, можно объяснить как небольшим значением отдельных созвездий в мифологии, так и заимствованием отдельных астронимов из разных языков.

В заключение обзора хотелось бы отметить высокий уровень организации конференции. Удачная компоновка докладов и их обсуждение в конце работы каждой секции способствовали более глубокому пониманию рассмотренных проблем, а участники имели возможность ближе познакомиться с работой коллег, как во время дискуссии, так и на приемах посольств Эстонии и Литвы в Болгарии. Многие доклады сопровождались фотопрезентациями и видеофильмами. Программа конференции не ограничилась чтением докладов — в нее были включены показ документальных фильмов из Архива Института фольклора БАН, а также мастер-класс по изучению болгарских народных танцев. Статьи, написанные на основе докладов, планируется опубликовать в специальных выпусках журнала «Български фолклор» (на болгарском и английском языках).

Валерия Колосова